

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Егошкина В.А. Специфика репрезентации коммуникативных стратегий и тактик в жанре журналистского расследования // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С.57-71. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.73490
EDN: DIEWOR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73490

Специфика репрезентации коммуникативных стратегий и тактик в жанре журналистского расследования

Егошкина Виолетта Александровна

ORCID: 0000-0003-3173-8289

кандидат филологических наук

доцент, кафедра журналистики и медиалингвистики; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, 55

✉ v.egoshkina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.2.73490

EDN:

DIEWOR

Дата направления статьи в редакцию:

25-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является прагматилистическая специфика жанра журналистского расследования, рассмотренная на примере газетных публикаций Ю. Щекочихина, стоявшего у истоков данного жанра. В эмпирическую базу исследования вошли журналистские расследования Ю. Щекочихина, объединенные общей темой, – появление и развитие организованной преступности, мафии в СССР и постсоветской России, опубликованные в «Литературной газете»: «Лев прыгнул!», «Лев прыгнул: взгляд из-за океана», «Под контролем мафии», «Охота на льва, или бой с тенью», «Гуров ушел... Лев съел?», «Чужой», «Здравствуй, дорогая мафия», а также расследования, вышедшие на страницах «Новой газеты»: «Хорошо живется тем, кто

борется с мафией», «Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах». В исследовании используются общенаучные методы: наблюдение, сравнение, описание, систематизация эмпирического материала, а также методика прагматилистического анализа текста. Актуальность и научная новизна исследования видится в том, что в настоящее время жанр журналистского расследования является востребованным, особую популярность приобрел формат тру-крайм, генетический восходящий к обозначенному жанру. Однако изучение исторического контекста данного жанра, его основ и базовых признаков важно и перспективно. Более того, в трудах отечественных ученых не представлено исследование журналистских расследований Ю. Щекочихина с точки зрения их подробного прагматилистического анализа. Большинство работ посвящено изучению публицистического мастерства Ю. Щекочихина, хотя и эти исследования являются фрагментарными, фундаментальных монографических работ, посвященных журналистской деятельности автора, до сих пор не существует. В ходе исследования выявлены жанрообразующие черты журналистского расследования, определены доминантные коммуникативные стратегии и тактики, объективированные в публикациях Ю. Щекочихина.

Ключевые слова:

журналистское расследование, ж а н р , м е т о д , коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, прагматилистика, медиастилистика, медиалингвистика, речевое воздействие, картина мира

Специфика жанра журналистского расследования

Самым важным в журналистском расследовании является постановка определенной цели, которая предполагает установление причин конкретных событий, ситуаций и процессов. Целью расследования может быть, например, разоблачение деятельности организованной преступности, выявление фактов коррупции, злоупотребления должностными полномочиями и прочее. Кроме того, расследование нередко решает такую важную задачу, как нравственное воспитание аудитории.

Как отмечает исследователь А. А. Тертычный, «в общем плане цели серьезного, социально важного журналистского расследования могут быть обозначены так: делать явной ту информацию, которая необходима, жизненно важна для народа, но от него скрывается; бороться со злоупотреблениями сильных мира сего; противостоять беззаконию, с тем чтобы изменялось к лучшему и все общество» [\[1\]](#).

Кроме того, целью журналистского расследования всегда является привлечение внимания общественности к значимой проблеме. Независимо от темы, задач, которые стоят перед журналистом, в основе предпринимаемого расследования всегда лежит резонансное событие, явление, ситуация.

Помимо этого, к задачам журналистского расследования можно отнести: выявление лиц, виновных в правонарушении, поиск доказательств и выяснение всех возможных точек зрения о предмете расследования. В каждом отдельном случае автор решает и более конкретные, частные задачи, продиктованные своеобразием предмета изучения, обстоятельствами, в которых проводится расследование и т.д.

Рассмотрим специфику жанрообразующих признаков журналистского расследования. Согласно А. В. Колесниченко, «жанр – это устойчивая форма произведения. Наличие

жанров позволяет журналисту пользоваться готовыми шаблонами и матрицами для подачи информации, а не изобретать для каждого материала новую форму» [2, с. 10]. В рамках журналистского расследования читателю представляют главные факты, затем их непосредственную проверку и разработку разных версий, в конце следует вывод.

В работе «Журналистские расследования: современные методы и техника» Дж. Уллмен разъясняет: «Лучшее определение журналистского расследования дал бывший заместитель редактора-распорядителя газеты "Ньюсдэй" Роберт Грин: "Это журналистский материал, основанный, как правило, на собственной работе и инициативе, на важную тему, которую отдельные лица или организации хотели бы оставить в тайне. Три основных элемента: журналист проводит расследование, которое не проводил кто-то другой, тема материала важна для читателя; другие пытаются скрыть затронутые в расследовании факты от общественности"» [3].

Границы понятия «журналистское расследование», его определение до сих пор вызывают споры у исследователей. Некоторые утверждают, что сам термин «журналистское расследование» тавтологичен, поскольку всякая журналистика уже включает расследование, выявление причинно-следственных связей, фактчекинг и т.д. Например, С. Г. Корконосенко предполагает, что журналистское расследование нередко представляет собой вариант статьи-расследования [4].

Другие считают, что журналистское расследование представляет собой особый жанр журналистской деятельности. При этом одни исследователи относят журналистское расследование к аналитическим жанрам [5], другие считают его отдельным самостоятельным жанром [6].

Описывая исследуемый жанр, А. И. Станько характеризует его особые критерии:

- использование форм художественной публицистики;
- использование детективных приемов при расследовании фактов;
- глубокое изучение общественно значимой, острой ситуации, построенное на совокупности собранных данных, рассмотрение предмета расследования под разными углами;
- формулировка авторской позиции и объяснение найденной информации [7].

Исходя из обобщения различных подходов к определению понятия журналистского расследования, сформулируем основные характеристики, раскрывающие специфику этого жанра:

- материалы расследований посвящены чаще всего скрытым фактам или событиям. Но есть и случаи, когда журналист рассматривает известные факты, но проверяет информацию, в ходе чего выявляются тайные сведения;
- в расследовании должны быть эксплицированы авторская позиция, объяснение и доказательство всех представленных фактов;
- в расследовании должны использоваться различные методы сбора и анализа информации;
- материалы расследований должны быть актуальными для аудитории;

- итоги расследования должны быть ориентированы на то, чтобы каким-то образом воздействовать на дальнейшие события;
- журналист не должен быть предвзятым в ходе расследования и обязан подходить к работе объективно;
- расследование должно быть эксклюзивным, нужно освещать те факты, которые ранее были скрыты.

Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика: к определению понятий

Термины «стратегия» и «тактика» изначально не имели ничего общего с лингвистикой. Конечно, сегодня они нашли широкое применение в медиалингвистике, теории речевого воздействия, а также в сфере менеджмента, юридической практике и т.д. Однако история возникновения данных понятий связана с военным дискурсом. И это не случайно: для крупных государств армия всегда была значимым социальным институтом, а в ХХI веке происходит все более сильная милитаризация языка, о чем пишут Н. И. Пушина и О. М. Пушин: «современное общество на протяжении довольно длительного времени использует в коммуникации военную терминологию и военные метафоры. Военная лексика так прочно вошла в обиход, что не осознается как милитаризованная» [\[8\]](#).

На сегодняшний день существует несколько подходов к определению понятий «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика».

А. А. Волкова определяет коммуникативную стратегию как «диалектический процесс взаимодействия коммуникативной ситуации и участников речевого общения» [\[9, с. 7\]](#).

С. И. Виноградов обращает внимание на значимость сложившейся коммуникативной ситуации, определяет стратегию как «макроинтенцию одного или всех участников коммуникации, обусловленную социальными и психологическими ситуациями» [\[10, с. 41\]](#).

В настоящем исследовании мы будем оперировать дефинициями, сформулированными О. С. Иссерс. Итак, коммуникативная стратегия – это «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего», а коммуникативная тактика – «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [\[11, с. 54\]](#).

По мнению цитируемого автора, все речевые стратегии и тактики можно разделить на основные и вспомогательные. Так, основная стратегия – это та, которая «на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большинстве случаев к основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение (как физическое, так и интеллектуальное)» [\[11, с. 106\]](#).

Вспомогательные стратегии позволяют адресанту повысить эффективность речевого воздействия на адресата. Автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст – анализ этих составляющих позволяет выбрать подходящую для определенной коммуникативной ситуации стратегию. О. С. Иссерс относит их к группе прагматических (коммуникативно-ситуационных) стратегий [\[11, с. 106\]](#).

Стоит отметить, что жанр журналистского расследования предполагает эксплицитный или имплицитный диалог адресанта с адресатом, в связи с чем даже в газетной публикации

может быть репрезентирована диалоговая коммуникативная стратегия. Нашу точку зрения подтверждает и мнение Н. Ю. Горчаковой, согласно которому «актуальность принципа диалогизации медийной речи определяется тем, что выступающий воспринимается публикой прежде всего как партнер по взаимодействию. Если это ожидание не подтверждается, то существенно снижается эффективность воздействия его выступления и возможность поддержания внимания и интереса» [\[12, с. 138\]](#)

Диалогический характер газетной публикации придают следующие черты:

- оценка факта или события, о котором говорится;
- прямое и не прямое обращение к собеседнику. Набор формул прямого непосредственного обращения к адресату достаточно разнообразен, например, «дорогой читатель», «уважаемый читатель», которые были частотны в печатной публицистике СССР. К разряду не прямых обращений относятся высказывания, которые можно определить как «мы-высказывания» [\[12, с. 138\]](#).

Для эффективного общения и, собственно, воздействия адресанту необходимо владеть определенными навыками и умениями, которые составляют базу для выстраивания вектора применения тех или иных речевых средств воздействия на собеседника:

- умение формулировать тезис и подбирать материал;
- навыки публичного (в том числе печатного) выступления с целью оказать определенное воздействие на адресата;
- умение доказывать и опровергать;
- умение убеждать [\[13, с. 81\]](#).

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод: любой коммуникативный акт подчинен целевой установке автора сообщения и направлен на формирование соответствующей реакции реципиента.

Ю. Щекочихин: у истоков журналистского расследования

Юрий Щекочихин – пионер расследовательской журналистики в России, его публикации стали основой для многих последующих расследований, включая дела о коррупции во власти и правоохранительных органах. Он также стал символом свободной прессы в России и борцом за права человека.

Он начал свой творческий путь в газете «Московский комсомолец», где вел отдел «Сверстник», посвященный проблемам подростков и молодежи. Перейдя в 1972 году в редакцию газеты «Комсомольская правда», он создал рубрику «Алый парус», в которой впервые честно и открыто были раскрыты табуированные темы, связанные социально значимыми проблемами, волнующими молодежь.

В 1980 году из редакции «Комсомольской правды» он перешел в «Литературную Газету». На новом месте работы Ю. Щекочихин занял пост специального корреспондента, занимаясь темами подростковой преступности. В дальнейшем, возглавив отдел расследований «Литературной газеты».

В целом можно сказать, что за время работы Юрия Щекочихина в «Литературной газете» издание стало более современным, активным, злободневным, прогрессивным и аналитическим. Его работа привела к тому, что газета стала одним из лидеров

русской журналистики, а сам Ю. Щекочихин стал одним из наиболее уважаемых журналистов и общественных деятелей в России.

В июле 1996 года Ю. Щекочихин был назначен заместителем главного редактора и редактором отдела расследований еженедельника «Новая газета. Понедельник» (ранее «Новая ежедневная газета»). В его отделе работали О. Султанов, Г. Рожнов, О. Лурье и А. Иваницкий. Следует отметить, что помимо расследований самым востребованным жанром в его творчестве в это время был публицистический комментарий. Из 127 опубликованных им статей в «Новой газете» 43 были написаны в жанре комментария. Юрий Щекочихин не случайно обратился к этой форме, так как в условиях социально-политических трансформаций важно было оперативно, лаконично и выразительно отреагировать на происходящие события, разъяснить их суть, представить факты и выразить свою позицию.

Юрий Щекочихин скончался в 2003 году. Его смерть, как полагают многие, была связана с журналистской деятельностью. По данным следствия, Ю. Щекочихин был отравлен ядом таллия, который был добавлен в его чай в кафе на Беговой улице.

Экспликация коммуникативных стратегий и тактик в журналистских расследованиях Ю. Щекочихина

Речевое планирование – важная составляющая расследований Ю. Щекочихина. Благодаря репрезентации различных коммуникативных стратегий и объективирующих их тактик журналисту удастся не только анализировать различные общественно значимые проблемы, но и правильно воздействовать на читателей.

На наш взгляд, основной (когнитивной) коммуникативной стратегией, репрезентированной в эмпирическом материале, является **стратегия подробного, всестороннего анализа такого феномена, как советская мафия**. Цель Ю. Щекочихина – не просто информировать читателей о существовании проблемы мафии в стране, но детально разобраться, когда и почему зародилась мафия в СССР, как она действует, как организована, каковы ее структура, иерархия и сферы влияния, какие появились новые типы преступников и схемы мошеннических действий, кто «покрывает» деятельность мафии в стране, как борются с ней и как вообще мафия влияет на политическую, экономическую и социальные сферы. Таким образом, Ю. Щекочихин меняет картину мира адресата, обсуждая тему, о которой ранее было не принято говорить публично.

Основная коммуникативная стратегия реализуется в журналистских расследованиях Ю. Щекочихина за счет использования вспомогательных, к которым мы относим **стратегии привлечения внимания к исследуемой проблеме, аргументации, формирования образа мафии, дискредитации коррумпированных представителей власти и правоохранительных органов**. Поскольку самым частотным методом сбора информации в работах Ю. Щекочихина является интервью с экспертами, а иногда и с самими преступниками, мы можем отметить репрезентацию **диалоговой стратегии** в его расследованиях.

Стратегия привлечения внимания к исследуемой проблеме реализуется при помощи следующих коммуникативных тактик: *номинации, солидаризации с аудиторией, апеллирования к ценностям адресата*.

Тактика номинации эксплицирована прежде всего в названиях расследований. Первая публикация, посвященная проблеме мафии, называется «Лев прыгнул!». Такой

заголовок не позволяет читателю сразу понять, о чем пойдет речь в материале. Автор намеренно использует метафору, чтобы заинтересовать адресата. Образ льва в русской картине мира традиционно понимается как символ силы, могущества и власти. Прыжок льва можно воспринимать как неожиданное, стремительное действие, производимое с усилием.

В ходе публикации раскрываются факты, которые вызывают не просто удивление, а шок у адресата. Проблема мафии в стране, как выясняется в расследовании, стоит очень остро, но для подавляющего большинства читателей этот факт не известен. Совершенный вид глагола «прыгать» в названии расследования подчеркивает, что действие уже совершено, факт существования мафиозных группировок не подлежит сомнению.

Отметим также, что лексема «лев» используется еще в четырех расследованиях, опубликованных в разные годы: «Лев прыгнул: взгляд из-за океана» (материал посвящен проблеме мафии в США и ее связи с советскими преступными группировками), «Охота на льва, или Бой с тенью» (в этой публикации речь идет о том, какие попытки предпринимаются для борьбы с мафией, почему они не эффективны и кому это выгодно, как преступные группы влияют на «теневую» экономику страны), «Гуров ушел... Лев съел?» (в публикации говорится об упразднении Главного управления МВД, которое занималось исключительно вопросами мафии, об отстранении от дел А. Гурова, одного из ключевых специалистов, постоянного эксперта и источника информации Ю. Щекочихина), «Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах» (журналист подводит итог борьбы с мафией в стране, делает неутешительные выводы, что влияние мафии усилилось, ее члены есть и среди коррумпированных чиновников, и среди представителей правоохранительных органов).

Номинация расследования «Хорошо живётся тем, кто борется с мафией» также привлекает внимание и вызывает интерес у читателя. Такое название обусловлено доминантной темой материала – проблема «имитации» борьбы с мафией со стороны коррумпированных чиновников.

Автор намеренно использует иронию в номинации расследования, подчеркивая, что те, кто должен бороться с мафией, на самом деле идут с ней на сделку, получая за это определенную выгоду, в том числе и материальную.

В названии расследования «Здравствуй, дорогая мафия» эксплицированы интертекстуальные элементы. Прежде всего можно отметить, что фраза «Здравствуй(те), дорогая...» является устойчивой формой обращения, которая использовалась в СССР, например, в письмах читателей в газеты или звучала на радио и телевидении. Более того, в тексте приводится цитата матери троих детей, которая обращается за финансовой помощью к главарям преступных группировок, а ее письмо начинается со слов «Здравствуй, дорогая мафия!». Кроме того, можно предположить, что в номинации актуализирована строчка из известной «блатной» песни «Мурка». Помимо этого, лексема «здравствуй» может иметь и переносное значение, подчеркивающее, что мафиозные группы чувствуют себя весьма вольготно, они не боятся правоохранительных органов, ведут свою деятельность, не опасаясь наказания.

Номинация публикации «Чужой» не может быть сразу понята адресатом. Ее смысл раскрывается в самом конце материала, когда после обсуждения с А. Гуровым современного состояния мафии, преступности в стране вообще и упоминания некоторых вех биографии Александра Ивановича, автор публикации приходит к выводу, что такой

человек, как Гуров, остается чужим и для правоохранительных органов, несмотря на то, что когда-то возглавлял Главное управление МВД по борьбе с организованной преступностью (о причинах его отстранения подробно написано в расследовании «Гуров ушел... Лев съел» в 1991 году), так и для научного сообщества (Гуров защитил докторскую диссертацию, но коллеги относились к нему достаточно предвзято).

Тактика солидаризации с аудиторией репрезентирована чаще всего за счет использования лексем «мы», «вместе», а также глаголов в форме множественного числа. Автор стремится показать читателям, что проблема организованной преступности касается каждого, ему важно вовлечь адресата в обсуждение этой темы, установить с ним эмоциональную связь, повысить его заинтересованность в решении проблемы, показать, что бороться с мафией можно только сообща:

«Думаю о тех высоких профессионалах с известными на всю Россию именами, которых вытолкнула Система только за то, что они не хотят жить по новым правилам львиных игр. Мы думаем, что они когда-нибудь вернутся. Мы надеемся, что те, кто пришел, не будут продаваться. Иначе во что превратится наша страна?» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001).

Тактика апеллирования к ценностям адресата используется автором для того, чтобы читатель задумался о масштабе проблемы мафии, о ее влиянии на все сферы жизни общества. Ю. Щекочихин отмечает изменения в общественном сознании, происходящую переоценку ценностей, связанную с романтизацией образов бандитов, подчеркивает, что многие молодые люди хотят примкнуть к преступным кругам, чтобы чувствовать себя более авторитетными и защищенными. Разумеется, все это идет вразрез с общепринятыми нормами морали, такая тенденция настораживает журналиста:

«Как же так произошло? Кто виноват в этом? Что можно сделать? Кто может что-то сделать? Новые законы? Или новые люди, которые должны сегодня возглавить все наши так называемые правоохранительные органы?» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001);

«Недавно в мордовской колонии я увидел десятки молодых ребят, рядовых бойцов преступных группировок. "Они к нам поступают – и думаете, кто-нибудь из боссов их вспоминает? Все, отработанный пар – ни денег, ни передач", – рассказал мне начальник колонии. Да и зачем, когда лидеры прекрасно знают, что стоит им свистнуть – и прибежит еще сотня таких же. Как-никак бандит – профессия престижная, и многие из этих пацанов уже мечтают о маршальском жезле» («Здравствуй, дорогая мафия», 1994).

Стратегия аргументации объективирована тактиками пояснения, апеллирования к официальным источникам и экспертам, повышения авторитета источника/эксперта, обращения к историческому контексту и поиска путей решения проблемы.

Используя **тактику пояснения** Ю. Щекочихин детально описывает свои мысли и рассуждения на тему мафии и её влияния, приводит аргументы и примеры:

«Тогда, в первом «Льве», в 88-м, мы сконструировали некий трехэтажный мафиозный "дом", в середине которого – деятели теневой экономики, с первого «этажа» их доят гангстеры и рэкетиры, а сверху, с третьего, выкачивают деньги чиновники-взяточники. Сегодня "дом" перестроился. Сегодня все эти разномастные "солнцевские", "подольские", "ореховские", "измайловские" выглядят гайдаровскими тимуровцами, которых вытеснили на детскую площадку» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах»,

2001).

Тактика пояснения также используется для объяснения причин и последствий определенных явлений, например, роста организованной преступности, вовлеченности представителей власти в бизнес мафии, нехватки персонала в милиции и давления на них со стороны местных начальников:

«Система породила теневую экономику, та, в свою очередь, породила организованную преступность, которая и вызвала к жизни коррупцию. Увы, сегодня мы боремся с тенью. Ну, одну преступную группировку ликвидировали, ну, десять коррумпированных связей разоблачили, а на их месте тут же возникают новые. Ведь социально-экономические отношения меняются пока на словах!» («Охота на льва, или Бой с тенью?», 1990).

Тактика апеллирования к официальным источникам и экспертам весьма частотна в расследованиях Ю. Щекочихина. Автор ссылается на официальные данные, статистику и письма, публикации в известных изданиях, цитирует экспертов, например А.И. Гурова, приводит их исследования, которые становятся основой для утверждений журналиста. Использование данной тактики позволяет читателям удостовериться в объективности и правдивости доводов Ю. Щекочихина:

«С 1991 по 1998 год из системы МВД ушли 1 600 000 (один миллион шестьсот тысяч) сотрудников. За прошлый год из московской милиции уволились 9000 сотрудников» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001);

«Но еще об одном мне хочется сказать в конце: уголовная субкультура все больше проникает в молодежную среду, втягивая в свою орбиту все новых и новых ребят. И как еще одно доказательство хочу опять привести цитату – на этот раз длинную – из обращения работников исправительно-трудовых учреждений Чувашии» («Под контролем мафии», 1989).

Тактика повышения авторитета источника/эксперта используется Ю. Щекочихиным, чтобы убедить читателя в том, что именно этот специалист компетентен в данной области, он досконально разбирается в проблеме, поэтому его оценка и суждения не вызывают сомнений:

«Именно с его именем связана знаменитая операция "Чистые руки", позволившая отправить на скамью подсудимых две тысячи самых высокопоставленных итальянских чиновников» («Хорошо живется тем, кто борется с мафией», 2000). Автор упоминает операцию «Чистые руки» и связывает её с деятельностью Лучано Виоленто, председателя итальянского парламента. Таким образом, автору удается убедить аудиторию в серьезности проблемы коррупции и важности борьбы с ней.

«Александр Гуров уже начальник управления, генерал и депутат Верховного Совета РСФСР» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001). А. Гуров довольно часто выступает экспертом в расследованиях Ю. Щекочихина. Впервые читатель знакомится с ним в публикации «Лев прыгнул!» 1988-го года. Тогда А. Гуров был подполковником милиции. Он продолжил сотрудничать с журналистом и исследовать проблему мафии в стране. В данном расследовании Ю. Щекочихин намеренно приводит должность и звание А. Гурова, чтобы сделать его мнение более убедительным и авторитетным в глазах аудитории.

Ю. Щекочихин использует **тактику обращения к историческому контексту**, чтобы

показать этапы становления организованной преступности в СССР и ее современное состояние. Автору важно донести до читателя, что мафия в стране возникла не случайно, было множество «тревожных звоночков», на которые компетентные органы не отреагировали вовремя. Таким образом, журналист подчеркивает, что мафия – это серьезная проблема, которую долгое время отрицали, а сейчас настало время для решительной борьбы с ней:

«Первые признаки мафии появились у нас тогда, когда начал выправляться хозяйственный механизм, то есть при Н.С. Хрущеве. Хотя масштабы ее деятельности были смехотворны по сегодняшним меркам: в 1958-1959 годах средний ущерб от хозяйственных преступлений в среднем по РСФСР составил полтора-два миллиона. Сейчас подобный годовой доход имеет удачливый квартирный вор. И так, в шестидесятые можно было говорить об отдельных признаках мафии. В семидесятые она стала социальным явлением. Именно тогда, вспомним, само это иноземное слово стало все чаще употребляться в нашем бытовом лексиконе» («Лев прыгнул!», 1988).

Тактика поиска путей решения проблемы призвана консолидировать общество, призвать его на борьбу с мафией. В более ранних расследованиях автор выражает надежду, что мафия будет побеждена. Ю. Щекочихин видит решение проблемы прежде всего в публичном обсуждении этой темы:

«За годы нашего знакомства только в «Литгазете» мы провели пять или шесть больших, на страницу, диалогов, каждый раз пытаюсь найти новые точки отсчета движения нашей, отечественной мафии» («Чужой», 1995);

«Ее погибель – в гласности. Не зря же именно время застоя оказалось наиболее благоприятным для мафии» («Лев прыгнул!», 1988);

«Пока "Волга" везла Александра Гурова на заклание, главному редактору "Литгазеты" А.Б. Чаковскому позвонил по "кремлевке" генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев и сказал: "Наконец-то кто-то об этом написал"» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001).

Стратегия формирования образа мафии эксплицирована при помощи следующих тактик: **противопоставление мафии и общества, издевка, возмущение, рассмотрение информации под новым углом зрения и прогнозирование.**

Для того чтобы раскрыть сущность мафии, показать ее крайне негативное влияние на общество, контраст между «идеалами» преступного мира и традиционными ценностями, принципами честности и порядочности, Ю. Щекочихин использует **тактику противопоставления мафии и общества.**

Кроме того, журналист настаивает на том, что необходимо перенять западный опыт борьбы с организованной преступностью, не только искоренить деятельность мафии, но и добиться того, чтобы все конфискованное имущество преступных группировок было направлено на благо общества: **«После суда над знаменитым мафиози Рина все его имущество конфисковано. Его парк стал общественным. Там бегают дети»** («Хорошо живется тем, кто борется с мафией», 2000).

Ю. Щекочихин с горечью констатирует, что мафия проникла во все сферы жизни общества, такая практика порочна и не ведет к положительным изменениям: **«Мафия – не красивый образ, мафия – реальность, болезнь, о которой мы раньше беспечно**

думали, что уж она-то нашему обществу не грозит» («Лев прыгнул», 1988).

Ю. Щекочихин приводит конкретные примеры, вскрывающие сущность мафии и ее антиобщественный характер, ее вопиющее отношение к сакральным для нашего социума темам, ее безнаказанность и безразличие к общепринятым ценностям, нормам морали и нравственности: **«Недалеко от госпиталя, где один великий доктор пытается спасти всех ветеранов – от Великой Отечественной до невеликих афганской и чеченских – кладбище. Центральная аллея – в памятниках не жертвам этих войн, нет – жертвам крупных разборок между уралмашевскими. Классными памятниками открывается кладбище: у одного погибшего братка птица вылетает из клетки, у другого – руль от «Мерседеса» в руках... И – охрана. Чтобы не осквернили могилы. А рядом, в пятистах метрах, в ветеранском госпитале пацаны из Чечни лежат в коридорах, и денег нет на новый корпус: матери погибших солдат проводят марафоны, чтобы кто-то подарил госпиталю картошку, капусту да телевизор в палату» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001).**

Ю. Щекочихин использует **тактику издевки**, чтобы подчеркнуть абсурдность происходящих явлений, которые, к сожалению, уже укоренились в обществе и сознании людей. Кроме того, автора возмущает, что даже представители власти пытаются как бы «обелить» образ мафии, доказать, что организованная преступность не опасна для социума:

«Казалось бы, не по делу: ну что за «мафиози» в жэке? что за мафия на кафедре? что за «коза ностра» в Краснодарском крайкоме? Смех, да и только. Скорее мы вкладывали в это слово свою горечь от социальной несправедливости, которую наблюдали практически ежедневно, – от невозможности пробиться сквозь бюрократические стены, от несоответствия между пропагандой и реалиями жизни» («Лев прыгнул!», 1988).

Тактика возмущения применяется Ю. Щекочихиным, чтобы вызвать эмоциональную реакцию адресата, сформировать такое же, как и у автора, негативное отношение к происходящим в стране событиям, осудить деятельность, а точнее бездеятельность коррумпированных чиновников, которые ради взяток готовы сотрудничать с лидерами преступных группировок, усилить негативное отношение общества к организованной преступности:

«Но что начиналось, когда жертвой оказывался кто-то из правящей элиты, пусть даже районного масштаба! Срывались с мест дежурные, ревели сирены, вытаскивались из теплых постелей начальники рай- и горотделов, и лошадиной рысью мчались служебно-розыскные Мухтары» («Здравствуй, дорогая мафия», 1994);

«Борьба за контроль, за степень влияния, за раздел территорий. Потому-то привычными стали взрывы автомобилей и стрельба на наших улицах!» («Здравствуй, дорогая мафия», 1994).

Тактика рассмотрения информации под новым углом зрения используется Ю. Щекочихиным, чтобы обстоятельно и разносторонне изучить феномен советской мафии. Журналист затрагивает такие темы, которые принято было не афишировать, пишет об изменениях в структуре организованной преступности, вскрывает крайне неприятные для определенного круга лиц факты:

«И дело не только в том, что оставшиеся в живых лидеры или те, кого официально называли лидерами, повзрослели, остепенились, заимели детей и имущество,

которое уже сами готовы защищать от разных "отморозков". **Государственная машина оказалась сильнее, но вовсе не такой, как когда-то давно виделась нам в туманном и завораживающем будущем**» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001).

Ю. Щекочихин, применяя **тактику прогнозирования**, рассуждает о развитии мафии, о трансформациях, которые происходят в среде организованной преступности. Автор показывает читателю, что проблема не только не исчезла, но стала еще более актуальной, поскольку мафиозные группы завоевывают новые территории, оказывают влияние на различные сферы, например, политическую и экономическую, контролируют оборот наркотиков и незаконную торговлю оружием в стране. Журналист заостряет внимание на том, что сейчас необходимо принять еще более жесткие меры по борьбе с организованной преступностью, пока не стало слишком поздно. Однако заметим, что в целом Ю. Щекочихин не склонен делать оптимистичных прогнозов. Так, в материале «Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах» он сравнивает тезисы из первой публикации, посвященной проблеме мафии («Лев прыгнул!»), и нынешнее положение дел в стране. Многие из заявлений А. Гурова и предположений самого Ю. Щекочихина теперь кажутся автору наивными и смешными:

*«И потому, когда начнется переход к рынку, мафии придется искать свое место... **Так мы думали тогда, в 90-м... Сегодня я лично убежден: и место, которое, как мы думали тогда, придется искать мафии, уже занято***» («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001);

– Думаю, что напротив – идет процесс интеграции менее крупных в более крупные.

– **И к чему это приведет?**

– Убежден: **к созданию криминальных союзов**. Уже есть три - четыре самые крупные группировки, которые и вырабатывают общую тактику и стратегию. И плюс к этому **идет огосударствление мафии** («Чужой», 1995).

Стратегия дискредитации коррумпированных представителей власти и правоохранительных органов объективирована при помощи **тактик обвинения и критики**.

Названные тактики могут быть эксплицированы как в прямой (в цитатах экспертов), так и в косвенной форме (в рассуждениях самого Ю. Щекочихина).

Журналист и его собеседники связывают рост организованной преступности преимущественно с бездействием власти и правоохранительных органов. Они выражают сомнение, что политическая элита действительно готова бороться с мафией. Более того, эксперты ссылаются на то, что многие факты замалчиваются, а статистика уголовных дел исправляется по команде «сверху». Кроме того, некоторым высокопоставленным лицам, чьи имена чаще всего не называются открыто, по мнению источников Ю. Щекочихина, выгодно иметь дело с мафией. Помимо этого, высказываются предположения, что многие представители власти продвинулись по служебной лестнице благодаря своим связям с лидерами мафиозных групп:

*«С одной стороны, – считает А.И. Гуров, – **чиновники, призывая бороться с мафией (но ничего не делая для этого!)**, хотят не отстать от времени. С другой стороны, они отвлекают народ от истинных виновников: ведь легче всего свалить на тех же кооператоров вину за наши пустые прилавки*» («Охота на льва, или Бой с тенью?», 1990);

*«Действительно, что-то не так. Я не хочу идеализировать нашу работу, да и оснований для этого, конечно, нет: преступность растет, меняет свои формы, все более и более **проявляются тенденции к политизации преступности**, к ее жесткому структурированию, к выходу на международную арену, **к все большим и большим связям с аппаратом власти**»* («Лев прыгнул в XXI век. Уже в погонах», 2001);

*«Когда криминогенная ситуация в стране обостряется, то с учетом конкретной обстановки **власти находят компромиссы с "авторитетами" преступного мира. Это делается ради сохранения спокойствия в обществе**»* («Здравствуй, дорогая мафия», 1994).

Диалоговая стратегия репрезентирована за счет тактик контроля над темой и уточнения.

Ю. Щекочихин, применяя названные тактики, управляет ходом коммуникации, не позволяет собеседнику отвлечься от главной темы диалога, уточняет ту информацию, которая не понятна либо самому автору, либо может быть не ясна читателям. Данные тактики позволяют журналисту получить более подробную информацию о предмете обсуждения, провести детальный анализ ситуации.

Приведем несколько из многочисленных примеров:

*«Хорошо, **давайте разберемся** с нашей мафией»* («Лев прыгнул!», 1988);

*«**Прошу подробнее рассказать**, какие регионы страны больше всего заражены мафией»* («Лев прыгнул!», 1988);

– Боб, – напрямую спрашиваю я, – можно сказать, что вы сами состояли в мафии, и притом, как я понимаю, не на самых нижних ее ступенях?

Он улыбается:

– Но можно сказать и так, что я был в пяти шагах от того, чтобы стать настоящим мафиози.

– Не понял...

– Меня окружали многие люди, которые хотели этого. Один из моих сотрудников был итальянцем... Через него я передавал деньги, которые он в свою очередь отдавал политикам для того, чтобы наш бизнес не накрыли... Уже потом люди из мафии пообещали мне, что если я захочу, то смогу стать мэром или губернатором...

– То есть, – уточняю я, – мафия так или иначе связана с политикой? («Лев прыгнул: взгляд из-за океана», 1989).

Выводы

В результате предпринятого исследования можно констатировать: Ю. Щекочихин сочетал в своих расследованиях элементы аналитики и публицистики, обращался к различным источникам информации, выражал собственную точку зрения на проблему, давал авторскую оценку изучаемым событиям и явлениям. Он тщательно прорабатывал логику и композицию своих публикаций, доказательную базу, что повышало уровень доверия читателей. Его тексты эмоциональны и образны, но в то же время убедительны и аргументированы.

Тематической доминантной журналистских расследований Ю. Щекочихина является проблема мафии в СССР и ее развитие в постсоветской России. В исследуемых

публикациях представлен довольно разнообразный репертуар коммуникативных стратегий и тактик, который позволяет журналисту обстоятельно исследовать феномен советской мафии. Выбор той или иной стратегии и реализующей ее тактики обусловлен характером коммуникации, целью адресанта и компетентностью адресата.

Библиография

1. Тертычный А.А. Расследовательская журналистика: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.
2. Колесниченко А.В. Основы журналистской деятельности. М.: Юрайт, 2023.
3. Уллмен Дж. Журналистские расследования: Современные методы и техника. М.: Виоланта, 1998.
4. Корконосенко С.Г. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000.
5. Бобков А.К. Газетные жанры: учебное пособие. Иркутск: Иркут. ун-т, 2005.
6. Ворошилов В.В. Журналистика. Базовый курс. М.: Изд-во В.А. Михайлова, 2006.
7. Станько А.И. Журналистское расследование: поиски жанра // Relga: научно-культурологический журнал. 2001. № 20. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/PTqrL> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Пушина Н.И., Пушин О.М. К вопросу о милитаризации языка // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы XI Международной научно-методической конференции / под ред. Т.М. Рогожниковой. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2019. С. 209-216.
9. Волкова А.А. Понятия «коммуникативная стратегия», «коммуникативная тактика», «коммуникативный ход» // Коммуникативные стратегии и тактики в медиадискурсе. 2011.
10. Виноградов С.И. Культура русской речи. М.: Инфра М, 1999.
11. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1999.
12. Горчакова Н.Ю. Особенности телевизионной речи как разновидности устной публичной речи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2007. № 2. С. 136-140.
13. Ивлев А.Е. Умения и навыки публичной речи: содержание понятия, роль и значение для сотрудников УИС // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы: материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. С. 77-82.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают коммуникативные стратегии и тактики в жанре журналистского расследования, актуальность изучения которых обусловлена как интересом исследователей к проблеме воздействующей силы единиц языка и речи, так и высоким социальным статусом расследовательских публикаций. Общественная значимость журналистских расследований требует всестороннего научного анализа данного жанра. Выявление особенностей репрезентации коммуникативных стратегий и тактик в жанре журналистского расследования видится важным для развития современной журналистики и обеспечения информационной прозрачности в обществе.

Теоретической основой исследования послужили работы таких российских и зарубежных ученых, как О. С. Иссерс, А. А. Волкова, Н. И. Пушина, О. М. Пушин, А. И. Станько, Н. Ю. Горчакова, А. Е. Ивлев, А. А. Тertyчный, А. В. Колесниченко, Дж. Уллмен и др., посвященные современным коммуникативным стратегиям и тактикам русской речи, методам и технике журналистских расследований и т. п. Библиография статьи составляет 13 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Также обращаем внимание автора(ов), что в соответствии с правилами редакции по оформлению списка литературы, в нем не указываются учебники, хрестоматии, учебные и методические пособия. Данные замечания не умаляют значимости представленной на рассмотрение рукописи и носят рекомендательный характер.

Методология проведенного исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее традиционный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы используются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; методы контент- и дискурс-анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрена специфика жанра журналистского расследования и сформулированы основные характеристики, раскрывающие специфику этого жанра; уточнены понятия «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика»; выявлены особенности коммуникативных стратегий и тактик в журналистских расследованиях Ю. Щекочиной, «пионера расследовательской журналистики в России, его публикации стали основой для многих последующих расследований, включая дела о коррупции во власти и правоохранительных органах, символа свободной прессы в России и борцом за права человека». Сделаны выводы о том, что в журналистском расследовании «выбор той или иной стратегии и реализующей ее тактики обусловлен характером коммуникации, целью адресанта и компетентностью адресата» и др. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение теоретических проблем жанра журналистского расследования и могут использоваться в курсах по теории дискурса, теории коммуникации, медиалингвистики, прагмалингвистики, психолингвистики, теории текста и дискурс-анализа, политической лингвистики, стилистики и других, а также применяться при разработке более эффективных коммуникативных стратегий и тактик журналистского расследования.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».